
Автор представлен членом Художественного совета **Мариной Корсаковой**

И кто я...

И кто я, скажи? В безликой толпе я кто?
Неузнанный зверь, в ком Ангелы ищут ровню...
И смерть так длинна, а жизнь - на один глоток.
Ты дал мне отпить... Открой мне меня. Открой мне

Зачем по шагам я чувствую что в горсти.
Зачем по глазам я знаю кому мне верить.
И если я зверь, то как мне себя спасти?
А если я бог, зачем мне жестокость зверя?

Зачем мне стрелять, когда я хочу любви.
Зачем мне любовь? В ней столько смертельной боли...
И завтра, скажи, кто будет во мне убит?
А кто навсегда останется здесь с тобою?

Ты сможешь узнать, увидев мой прежний лик?
Ты сможешь почувствовать сквозь города и страны,
Великий мой Бог, как бог мой во мне болит.
И как ему зверь безропотно лижет раны...

Блуждая в неразгаданности...

Блуждая в неразгаданности рун, что облаком неясным проплывают, мой
Город просыпается к утру, распахнутыми окнами зевая. И полусонно путая
Века, не ждёт ни возражений, ни оваций...

А я его невыживший Икар, пытавшийся от будней оторваться. От счастья
окрылен и невесом, наивный рыцарь всех ее велений, я был Любовью поднят
до высот. И ею же сожжен. Без сожалений.

И не сторонник искренних бесед, ни в скверах, ни в интиме тёмных комнат, я
воплотился в Городе, как все, которые давно уже не помнят ни небо, ни
свободу, ни размах и трепетный восторг перед полетом. Они так одиноки,
как Зима, застывшая в их сердце гололедом. Как будто бы открыты: "Вот
тропа, ведущая в Чертог ко мне. Вот лыжи". Но каждый поскользнувшийся -
пропал. Поскольку в этом холоде не выжить.

И в Городе Ашанов и Икей, мой телефон, меня опережая, привычно отвечает
:"все о'кей", ни истины, ни глаз не отражая. И это - как невинная игра, в
которой все как будто бы на равных. А я боюсь попробовать не врать, открыв
незаживающие раны. И сделать шаг в спешащую толпу, такую равнодушную
до боли. И ранами попробовать на вкус огонь на них рассыпавшейся соли. И
вспомнить все. И больше не простить. Поскольку каждый выживший -
случаен. И я спешу куда-нибудь уйти, опять "о'кей" кому - то отвечая.

А Город - колыбель моих Миров, мостами словно держит на весу их. То
голубя подсунет мне перо, то образ мой витринами рисует. И кажется - он
вовсе не скорбит, ни радости не чувствует, ни боли. Но Ангела, что был во
мне убит,

он выходил ...

и выпустил на волю...

Зверь, который...

Ты и сама хотела бы приручить,
Чтоб выходил по зову и ел с руки
Зверя, который внутри у тебя рычит,
И обнажает яростные клыки,
Если кто делает шаг вдоль его межи.
Там, где запретка /проволка - ток - накал/.
Нет, он готов быть ласковым и дружить
На расстоянии /выстрелил - не попал/.
И иногда ты чувствуешь, как болят
Старые раны в звериной его груди.
Он не убил того, кто в него стрелял.
Даже простил. Только с тех пор один
На полигоне темном твоей души.
Он на любого бросится, как стрела.
Тот, кто посмеет...Он за тебя решил
То, что доверие - это источник зла.
А когда рушатся снова твои мечты
И ты со слезами просишь у Бога сил,
Он оглашает все ревом, в котором ты
Слышишь: "не верь, не бойся и не проси".
Ты говоришь ему, пробуя усмирить,
/Но бесполезно/ правильные слова.
Только он скалится. Там. У тебя внутри.
И никогда не скажет /поскольку не говорит/
То, что он жив... А значит и ты жива.

И что я скажу...

И что я скажу тебе, если решусь звонить, пространства касаясь гудками издалека. Вокруг тёмный лес. Ты знаешь что там за ним? Огромная пустошь, где мне без любви никак. Ты сможешь услышать за шумом сплошных помех, чужих голосов, рассыпанных ими фраз, как я безнадежно и глупо верна зиме, что снегом пушистым писала роман о нас?

Да важно ли это, когда я в такой дали, где время давно поменяло на шаг свой бег. И я не умею любовь на других делить, поскольку всегда отдавала ее тебе.

А сны умещают и небыль в себя, и быль, прозрачно меняя события и места. И чудится счастьем так долго с тобой пробыть. И мается горем никем для тебя не стать. /А утром проснешься отпущена и пуста/.

И что мне сказать тебе, слыша твоё "алло"? Как время незримо меняло вокруг ландшафт? Твоё "не люблю" так снегами во мне мело, а я не хотела твоим кораблям мешать искать свою пристань у кромки другой судьбы по синему морю, по озеру, по реке. Прости, что решила я юнгой тебе не быть. Оставить штурвал и остаться навек никем.

И что я отвечу, когда меня спросишь: "Как? Живёшь - не скучаешь? С кем делишь свои ветра?" Прошла пара весен, а кажется что века, как мы попрощались. И каждый из нас был прав. И нашим рукам повинуются меч и щит, ни Бога, ни Черта, ни Времени не боясь.

Тогда почему, если плачет в глухой ночи
отчаянно птица,

Мне кажется - это я...

Спроси меня...

Спроси меня, спроси меня, о чем
не спрашивал оракулов и ведьм.
Ведь тот, кто со свободой обручен,
следов не оставляет на траве.
Ни раненого сердца и ни лап,
/ты никогда не ведал их когтей/.
Спроси меня, пока я не ушла,
на верность присягая темноте.
Навек отныне ею становясь.
Ведь каждый - то, что сам в себя впустил.

Вдруг, поравнявшись с преданными, я
забуду обернуться и простить?

Когда в глазах заплещутся ручьи,
мне б их не расплескать и не пролить.
Свобода выбирает из ничьих,
чтоб их ни с кем отныне не делить.
И ставит одиночеством клеймо,
/оно легко читаемо в глазах/.
Спроси меня о том что ты не смог
ни разу никому еще сказать.
И я отвечу, сглатывая боль,
печальным, тихим эхом из полей

С тобой... в тебе... жила моя любовь...

...единственная ценность на Земле...

А они уходят...

А они уходят. Ни новостей и
Ни звонков. Ни коротких от них записок.
И мне кажется, я становлюсь пустее,
Чем полнее становится этот список
Потерявшихся без вести в райских куцах,
Распрощавшихся смертью с земной юдолью.
Каждый выстрадан, выплакан мной, отпущен.

Только память опять разрывает болью
Ощущение сна, /что небес бездонней/,
Где они заполняют пустынность комнат...
Обнимаю... держу их в своих ладонях...

Но ладони мои ничего не помнят,

Когда я, просыпаясь, сажусь в кровати,
Ожидая, что сон до конца растает.
В сотый раз говорю себе: Хватит! Хватит!
Ощущая, как сильно их не хватает.

Выплывая с трудом из своей печали...
Закричать бы, от крика внутри немея:
Вы - же - видите - как - я - без - вас - скучаю!

Только вдруг там скучают еще сильнее...

Испугавшись, шепчу: Я вас просто помню.

Ни тепла не чувствуя, ни уюта,
Позволяю безвольно себя наполнить
Пустотой, приравненной к абсолюту.

...

Будет солнечный день. Или, может, вечер.
В час, когда Твоя лодка со мной отчалит.
Не прощай мне грехи, я за них отвечу.
Обещай, что на том берегу встречаются...